

Глава VIII РАЗЛИЧИЕ

Энтони Хартл

1. ВВЕДЕНИЕ

После того как государство решит вопрос о том, *вести ли* ему войну, его руководители и представители вооруженных сил должны принять решение относительно того, *как* воевать. Один из самых трудных вопросов современной войны в рамках категории *jus in bello* касается целей, по которым наносятся военные удары, и использования определенных видов оружия, которые могут поражать эти цели неизбирательно. Традиционно при рассмотрении этого вопроса ключевым является *принцип различия*. В самом широком смысле этот принцип утверждает, что во время ведения военных действий воюющие стороны обязаны различать допустимые и недопустимые для уничтожения цели. Это различие должно основываться на природе этих целей как таковых. Исторически сложилось так, что воюющие стороны, как правило, согласны с тем, что уничтожение жизни и материального имущества тех, кто не подпадает под категорию комбатантов¹ есть зло, которое можно свести к минимуму. Следовательно, жизнь и имущество некомбатантов и некоторые категории гражданских объектов не должны становиться объектами вооруженного воздействия. В XX в. в сфере применения принципа различия главное внимание стало сосредоточиваться на подчиненном, но фундаментальном принципе неприкосновенности некомбатантов.

2. НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ НЕКОМБАТАНТОВ

Несмотря на публичное согласие относительно практического и морального значения защиты гражданских лиц во время войны, потери среди некомбатантов по-прежнему остаются болезненной характеристикой всех конфликтов XX в. — характеристикой, которая, несомненно, будет присуща военным конфликтам последу-

¹ *См. Предисловие (сноска на стр. 9).

ющих десятилетий. Сведение таких потерь (формы «сопутствующего ущерба», говоря эвфемистским языком высокотехнологических приемов ведения войны) к минимуму — таково назначение принципа неприкосновенности некомбатантов. Хотя теоретики справедливой войны признают, что основа для различия комбатантов и некомбатантов остается спорной проблемой¹, мало кто станет доказывать, что комбатанты ответственны за сведение к минимуму «потерь среди некомбатантов». В современную эпоху военная техника все более усложняется, что ведет к радикальным изменениям в концепции боя. Поэтому строгое исполнение долга не наносить ущерба некомбатантам становится все более проблематичным, так как усложнение военной техники, обеспечивая более высокую точность некоторых видов оружия, в то же время расширяет поле боя далеко за линию горизонта и значительно увеличивает его разрушительную силу.

Очевидно, соблюдение долга минимизации ущерба некомбатантам требует того, чтобы солдаты могли как-то узнавать некомбатантов. Практическое правило, согласно которому враги, одетые в униформу, являются комбатантами и в любой момент могут быть объектом нападения, есть тот исходный пункт, от которого можно отталкиваться, но вряд ли мы сможем далеко здесь продвинуться. Согласно существующим договорам и конвенциям, раненые солдаты, или солдаты *hors de combat*², не могут быть объектом нападения; в результате ранения они становятся некомбатантами. Солдаты, ставшие военнопленными, уже не являются комбатантами и не представляют собой какой-либо угрозы. Таким образом, военнопленные не являются объектом нападения независимо от нашего вывода о том, следует ли формально квалифицировать их как некомбатантов или нет. Этот вопрос возникает в связи с тем, что Женевскими конвенциями 1949 г. были тщательно разработаны правила обращения с больными и ранеными бойцами, а также теми людьми, которые квалифицируются как военнопленные.

Однако в практическом плане во многих войнах XX в. участвовали комбатанты, не носившие униформу или какие-либо знаки отличия. Например, партизаны днем могут быть фермерами, а ночью — нападать на войска. Применение в военных действиях

¹ Coates A. J. The Ethics of War. P. 234.

² * Букв. «вне сражения» (фр.).

принципа различия при одновременном ведении эффективной борьбы против партизан приводит как к практическим, так и к моральным трудностям. Как и армии многих стран, контингенты миротворческих войск ООН жестко ограничены практической и моральной необходимостью минимизировать потери среди некомбатантов. Практический аспект этой проблемы возникает из-за уязвимости ООН для критики по поводу выполнения ею миссии в соответствии с моральными критериями. Моральный аспект становится заметным из-за наиболее распространенного обоснования, к которому в настоящее время прибегают для того, чтобы инициировать применение силы, а именно: защита прав человека. Партизаны же склонны максимально использовать те тактические преимущества, которые дают им эти нормативные ограничения. Они не носят униформу и стараются смешиваться с гражданским населением, чтобы избежать прямой атаки и достичь таким образом военного преимущества.

В случае партизанских и антипартизанских военных операций сложности, связанные с принципом различия, обусловлены глубоким противоречием между военной эффективностью и морально-политическим успехом. Партизанские движения обычно всегда полагаются на определенную поддержку со стороны населения той страны, где ведется борьба. Партизаны должны сделать политический выбор между принуждением населения страны к сотрудничеству или стимулированием его желания сотрудничать. Принцип различия требует уважения статуса некомбатантов, запрещая как противозаконное какое-либо прямое принуждение и применение насилия в отношении тех, кто не носит форму. Одно из наиболее эффективных средств стимулирования добровольного сотрудничества со стороны населения состоит в демонстрации того, что его интересы совпадают с интересами партизан. Скрупулезное соблюдение требования ненанесения вреда гражданским лицам и их собственности будет только способствовать такой поддержке. Если партизаны намерены захватить и сохранить в своих руках политическую власть, они должны последовательно добиваться общественной поддержки.

Напротив, антипартизанские силы могут оказаться в сложной ситуации, если партизаны настолько привержены своим целям, что считают оправданным рисковать жизнью некомбатантов, используя их как щит. Готовность партизан рисковать благополу-

ем некомбатантов может ограничить антипартизанские акции. Если антипартизанские силы начнут действия именно тогда, когда партизаны заняли такое положение, атака на которое может привести к жертвам среди гражданского населения, то это может настроить гражданское население против антипартизанских сил. Имея собственное представление о правом деле, партизаны могут стремиться создать такие обстоятельства, которые будут вести к жертвам среди гражданского населения. Конечно, в такой ситуации, преимущество будет у партизан. Если антипартизанские силы откажутся от каких-либо действий, которые могут нанести урон некомбатантам, то партизаны получают явное тактическое преимущество. Если антипартизанские силы предпримут действия, которые приведут к жертвам среди гражданского населения, партизаны получают явное политическое преимущество.

В этих условиях антипартизанские силы должны принять тщательно разработанные правила действий (ПД) для своих военных. Так, в конфликте в Косово американские сухопутные силы в своих действиях руководствовались приводимыми ниже ПД (в 2000 г.). Каждый солдат получал небольшую, карманного формата карточку с инструкциями. Миссия КФОР, руководимых НАТО международных сил, которые вошли в Косово 12 июня 1999 г. по мандату ООН, состояла в том, чтобы поддерживать мир, обеспечивать безопасность всех сторон конфликта. Хотя они прямо не сталкивались с организованным партизанским сопротивлением, отдельным подразделениям КФОР приходилось иметь дело с вооруженным противодействием со стороны враждебных групп, обычно растворенных среди гражданского населения, как это обычно бывает у партизан. Правила давали общие принципы поведения.

Правила действия во время столкновений

Самооборона

1. Ничто в этих правилах не запрещает тебе использовать свое естественное право защищать себя, солдат КФОР и лиц со специально обозначенным статусом.

2. Если приходится прибегать к силе, используй ее в минимальной степени.

3. Ты можешь прибегать к силе на поражение для защиты себя, солдат КФОР и лиц с обозначенным специальным статусом лишь перед лицом непосредственной угрозы нанесения серьезного ущерба или перед угрозой смерти.

4. Тебе не требуется специального разрешения для действий, направленных на самооборону.

Защита собственности

1. Для защиты секретной документации и собственности, вооружения, снаряжения, взрывчатки и особо оговоренного имущества при необходимости применения силы используй ее в минимальной степени, в том числе на поражение.

2. Для защиты собственности КФОР используй минимальную силу и *не* используй силу на поражение.

Выполнение заданий

1. В соответствии с установленным порядком при выполнении задания руководство огнем, в том числе на поражение, осуществляется старшим из присутствующих командиров.

2. *Помни*, что даже при отсутствии распоряжений или приказа от командира при неотвратимости смертельной или серьезной угрозы ты всегда можешь применить силу для самозащиты, защиты солдат КФОР, лиц со специально обозначенным статусом.

Серьезные преступные действия

Если при тебе совершаются серьезные преступные действия против других лиц (убийство, изнасилование, опасное нападение) или налицо опасность совершения таких действий, можно прибегнуть к минимально необходимой силе для их предотвращения.

Минимальная сила

1. Оцени угрозу по SALUTE-показателям¹. Определи, что у человека в руках, а затем оценивай угрозу по SALUTE-показателям.

2. Когда это возможно, используй силу, начиная с минимальной степени:
а) громким голосом потребуй остановиться («*Стой!*» на сербско хорватском языке);
б) продемонстрируй оружие и готовность использовать его;

в) при необходимости используй физическую силу, не опасную для жизни нарушителей;

г) произведи предупредительный выстрел после голосового предупреждения: «*НАТО. Стой или буду стрелять!*» (на английском и сербскохорватском языке);

д) стреляй, чтобы предотвратить угрозу. Стреляй только прицельно. Прекрати стрельбу, когда больше нет угрозы.

Уважай гражданских лиц и их собственность.

Логично, что в антипартизанских операциях высший приоритет отдается безопасности некомбатантов. Правительства или интер-

¹ «SALUTE» — аббревиатура английских слов, указывающих, на что следует обращать внимание при встрече с лицом, чьи намерения неясны. В первую очередь следует определить, есть ли у него оружие в руках и представляет ли оно опасность. Затем, каков размер (size) силы, которой обладает лицо, какие действия (activity) оно предпринимает, какое место (location) занимает; если это группа лиц (подразделение — unit), то что она собой представляет, когда, в какое время (time) производится данное наблюдение, каким оснащением (equipment), военным и прочим, оно обладает.

венционистские силы стремятся защитить гражданских лиц и обеспечить себе поддержку со стороны всего населения. Безопасность некомбатантов, или гражданских лиц, требует минимального применения силы в большинстве ситуаций. Задача определения того, кто партизан, а кто нет, даже при том, что партизаны носят опознавательные знаки (например, нарукавные повязки или какие-то общие элементы в одежде), чрезвычайно сложна. Опыт последних десятилетий показывает, что в большинстве случаев проведение партизанских операций не сопровождается мерами, обеспечивающими идентифицируемость партизан. Этим обусловлено требование к антипартизанским силам проявлять особое внимание при определении целей и нанесении ударов. Задача идентификации членов вооруженных формирований противника с тем, чтобы можно было применить принцип различия, остается одной из важнейших для тех, кто проводит антипартизанские операции, и используемый контингентом ООН в Косово набор правил по применению силы может быть принят здесь в качестве образца.

Субъективное состояние моральной или политической невиновности также непригодно в качестве нормы, которую солдаты могут применять для различия между комбатантами и некомбатантами. При любом рациональном рассмотрении мобилизованный солдат, решивший не открывать огонь в состоянии гнева, должен бы считаться морально невиновным даже в том случае, если его страна ведет войну, несправедливую по критериям *jus ad bellum*. Какой бы обоснованной ни была такая дифференциация, у солдат противника нет никакого способа определить, что перед ними именно такой человек, и, исходя из этого, не нападать на него. Точно так же гражданское лицо, которое, предположим, является страстным сторонником явно несправедливой войны и поэтому большинством людей не может считаться морально или политически положительным, именно как гражданское лицо *prima facie*¹ считается некомбатантом и, стало быть, не может быть объектом непосредственного нападения, если он своими действиями не изменяет своего статуса. Ведь внутренние установки человека не поддаются наблюдению.

Иные объяснения категорий «комбатант» и «некомбатант» выдвигают новые вопросы. К примеру, Джефффри Мерфи доказывает, что различие между комбатантами и некомбатантами должно

¹ * *Prima facie* [прима фаци] — изначально (лат.).

определяться «цепочкой действий» («chain of agency»)¹. Если вы оказываетесь в такой «цепочке действий», которая приводит к применению силы военными, то вы являетесь комбатантом и подлежите нападению. Как узнать, находитесь ли вы в этой цепочке действий? Вы находитесь в таком ряду, если участвуете в любой деятельности, логически неотделимой от военных действий. Участие в любой деятельности, которая не происходила бы в том случае, если бы она не отвечала требованиям войны, помещает человека в «цепочку действий». Например, работа на военном заводе логически неотделима от ведения войны. Если бы не было войн, военные заводы были не нужны. С другой стороны, сельское хозяйство является такой сферой деятельности, которая логически отделима от ведения войны. В сельском хозяйстве люди работают и в мирное время. Таким образом, работники военных заводов находятся в «цепочке действий», а сельскохозяйственные работники — нет. Хотя на определенном уровне принятия решений это руководящее положение оказывается полезным, в то же время его применение боевыми подразделениями не может быть строгим. Летчики, сбрасывающие бомбы, часто считают трудным или даже невозможным применение этого положения и, кроме того, утверждают, что оно ставит перед ними дополнительные вопросы, включая вопрос о том, насколько велик риск для них самих в том случае, если им все же придется принять такое решение.

Майкл Уолцер, решая эту проблему риска в работе «Справедливые и несправедливые войны», говорит, что для сведения к минимуму потерь среди некомбатантов комбатанты должны принять на себя дополнительный риск. Чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, он использует пример Второй мировой войны². Летчики Свободной Франции наносили бомбовые удары по важным для немцев объектам на территории оккупированной Франции, при этом гибли и французские граждане. Чтобы наносимый ущерб тем самым людям, ради которых эти летчики сражались, т.е. гражданам Франции, был минимален, они летали низко и бомбили с большой осторожностью, стремясь свести потери среди гражданских лиц к минимуму. Однако сберегая жизни своих сограждан, насколько возможно, французские летчики подверга-

¹ *Murphy J.* The Killing of the Innocent // War, Morality, and the Military Profession / Ed. by Malham M. Wakin. Boulder, CO: Westview, 1986. P. 346.

² *Walzer M.* Just and Unjust Wars. N.Y.: Basic Books, 1977. P. 157.

ли себя большой опасности. Мы рассматриваем действия этих пилотов как морально соответствующие принципу различия. Военная необходимость требовала бомбардировок. Традиция справедливой войны требовала минимизации потерь среди гражданских лиц с обеих сторон, хотя, конечно, французские летчики испытывали симпатию к своим. Чтобы согласовать между собой два эти требования, французские летчики шли на риск. Отсюда Уолцер делает вывод, что моральный долг требовал от летчиков поступать именно таким образом.

Военно-воздушная кампания в Сербии и Косово в 1999 г. наглядно показывает, как может измениться такое согласование. По словам Михаила Игнатьева, хотя военные летчики НАТО использовали дорогостоящее современное вооружение и, если не были уверены в характере цели, воздерживались от бомбардировки, военное командование НАТО, по-видимому, не склонно было рисковать жизнью летчиков в той степени, которая была принята летчиками Свободной Франции. НАТО не разрешала летчикам, сбрасывающим бомбы на объекты противника, летать на высоте менее примерно 4,5 км; несомненно, это минимизировало вероятность того, что их поразят югославские зенитные орудия, ведущие огонь по низколетящим самолетам НАТО. Но критики военных усилий НАТО утверждают, что при этом возросла и вероятность ошибочных бомбардировок некомбатантов (утверждение, которое военные руководители НАТО отвергали на пресс-конференциях и в своих отчетах после боя).

Привлекательность высокотехнологичных приемов ведения войны в том, что они спасают жизни людей. Они представляют собой такой метод ведения войны, который, по-видимому, определяется двумя моральными ограничениями: избегать потерь среди гражданских лиц и избегать риска для летчиков. Но оказалось, что эти два ограничения находятся в прямом противоречии друг с другом. Чтобы прекратить этнические чистки, необходимо летать низко. Если летать низко, гибнут летчики. Если летать высоко, бомбы поражают и мирных граждан. Ко второму месяцу бомбардировок прояснились приоритеты альянса НАТО: жизни его военных специалистов были для него важнее, чем жизни невинных иностранных граждан¹.

¹ *Ignatieff M.* Annals of Diplomacy: Balkan Physics // The New Yorker. 1999. 10 May. P. 79.

Принцип двойного эффекта, обсуждавшийся в предыдущей главе, представляет одно из часто применяемых средств анализа военных ситуаций, связанных с потерями среди гражданского населения. В применении к боевым ситуациям этот принцип утверждает, что непреднамеренное причинение страданий мирному населению оправдано в том случае, если положительный эффект морально приемлем, предвидимые отрицательные последствия непреднамеренны или необязательны для достижения положительного эффекта, а положительные эффекты перевешивают отрицательные. Применяя данный принцип к приемам ведения войны, Майкл Уолцер добавляет еще одно условие, нераздельно связанное с его точкой зрения на приемлемое равновесие риска для комбатантов в сравнении с риском для некомбатантов: «Осознавая предполагаемое зло, [действующий субъект (the agent)] стремится минимизировать его, принимая на себя издержки»¹.

Таким образом, в той ситуации, которая сложилась в Косово, строгое применение дополнения Уолцера к принципу двойного эффекта, вероятно, потребовало бы того, чтобы летчики летали ниже и шли на больший риск (и, возможно, больший риск для всей натовской операции, учитывая ее политическую хрупкость). Без принятия этой дополнительной меры предвидимые, но непреднамеренные потери среди гражданских лиц невозможно было бы оправдать при строгой интерпретации *jus in bello* в контексте принципа двойного эффекта.

Вдобавок к проблеме, связанной с риском, существует и другое затруднение. Подход, основанный на «цепочке действий», не объясняет, как нужно относиться, например, к политике, проводившейся НАТО в другой области. Военные самолеты НАТО подвергали нападению предприятия по очистке, производству и хранению нефтепродуктов по всей Югославии. Производство топлива логически отделимо от ведения войны, но также ясно, что оно необходимо для ее ведения. Когда страны — члены НАТО бомбили промышленные объекты Югославии, хранилища с запасами топлива и электростанции, они делали это главным образом для того, чтобы привести в негодность военную машину этой страны. Однако в ходе операции они атаковали объекты, где работали лишь мирные граждане, обслуживавшие не только военные силы,

¹ Ignatieff M. Annals of Diplomacy. Op. cit. P. 79.

но и все население в целом. Можно сказать, военные летчики НАТО подвергали нападению не только военные силы, но также и всю страну в целом.

Как следует классифицировать нападения на сеть гражданских коммуникаций? Самолеты НАТО атаковали также телевизионную станцию Югославии, которая обслуживалась одними только гражданскими лицами. При этом утверждалось, что телестанция была правительственным органом пропаганды и дезинформации, влиявшим на ведение дипломатической и военной деятельности. «Цепочка действий» Мерфи не заходит настолько далеко, чтобы оправдывать эти наступательные операции, но исполнители военных планов НАТО могли бы заявить, что осуществления этих бомбардировок потребовала военная необходимость.

С окончанием холодной войны и распадом Советского Союза маячившая на горизонте угроза применения ядерного оружия несколько ослабла и приняла другую форму. Тем не менее во второй половине XX в. огромное внимание привлек к себе вопрос о возможной оправданности какого-либо применения ядерного оружия при соблюдении принципа различия. Актуальность такого вопроса подтверждается фактом распространения ядерного оружия. Наряду с ядерным оружием широкое внимание теперь привлекают противопехотные мины. Исследование этих особых систем оружия приводит к выводам, которые применимы к любому исследованию воздействия оружия, учитывающему принцип различия. Мы можем также определить тесную связь этого исследования с другим аспектом различия — ограничениями выбора целей.

3. ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Традиция справедливой войны связана с ограничениями в использовании силы или, как говорил Джеймс Джонсон, «традиция справедливой войны... есть моральная традиция оправданной и ограниченной войны»¹. Накладываемые ею ограничения служат для того, чтобы уменьшить вероятность возникновения войны и

¹ *Johnson T.J.* Threats, Values, and Defense: Does the Defense of Values by Force Remain a Moral Possibility? // *Just War Theory* / Ed. by J.B. Elshtain. N.Y.: New York University Press, 1992. P. 56.

смягчить ее последствия, когда она уже началась¹. Как уже говорилось выше, критерии *jus ad bellum* ограничивают те условия, при которых война может быть обоснованно начата. Эти положения справедливой войны, применяемые при сознательном стремлении к морально оправданному поведению, устанавливают критерии решений, морально приемлемых в большинстве случаев. Однако, как только война началась, данные критерии уже определяются (в дополнение к конкретным конвенциям, касающимся войны) двумя нашими смягчающими принципами — принципом соразмерности и принципом различия. Принцип различия ясен и конкретен: комбатанты никогда не должны делать своей непосредственной целью некомбатантов. Принцип соразмерности, даже ясно выраженный, более проблематичен на практике: уровень применяемой силы должен быть соразмерным поставленным задачам. Определение того, что допускается в качестве «соразмерного» в конкретных ситуациях, требует таких выводов, которые часто становятся предметом споров. Рассматривая использование и угрозу использования ядерного оружия, мы обнаруживаем, что применение этих принципов становится особенно спорным.

По нашему мнению, в обсуждении, носящем практический характер, мы должны сделать вывод, что невозможно использовать ядерное оружие и в то же время полностью соблюсти принцип различия. Можно представить такой необычный гипотетический сценарий: нанесение ядерного удара малой мощности с военного корабля, находящегося в море вдалеке от любой обитаемой территории, при таких обстоятельствах, что ни атакуемая сторона, ни любой из ее союзников не смогут ответить на это ядерным ударом. При данных обстоятельствах мы могли бы сказать, что доказали, будто ядерное оружие можно использовать избирательно. В том же духе можно было бы утверждать, что при полном соблюдении принципа различия ядерное оружие можно использовать за пределами земной атмосферы — в Космосе. Однако такие предположения не снимают нашей моральной ответственности по поводу применения ядерного оружия хотя бы потому, что оно почти всегда связано с неминуемым уничтожением некомбатантов. Промышленные или важные в военном отношении хозяйственные

¹ Fisher D. Priorities in Just Deterrence // Just Deterrence: Morality and Deterrence into the 21st Century / Ed. by M. McCall and O. Ramsbotham. L.: Brassey's, 1990. P. 67.

объекты обычно находятся вблизи густонаселенных районов или в достаточной близости от них, поэтому последствия выпадения радиоактивных осадков окажутся для людей смертельными. Во многих случаях сугубо военные цели находятся достаточно близко к населенным районам, и даже тактика точечных ударов, направленных исключительно на военные цели, окажется губительной для жизни и имущества гражданского населения.

В 1945 г. США осуществили единственную в истории атомную бомбардировку противника. Бомба, сброшенная на Хиросиму, обладала взрывной силой, эквивалентной 12 тыс. т тротила. От этого взрыва многие тысячи людей сразу же превратились в пепел. В течение считанных секунд тысячи людей погибли от воздействия ударной волны и всепоглощающей огненной бури. В последующие дни тысячи людей были поражены радиацией. Вопреки принципам традиции справедливой войны жертвами этого взрыва в подавляющем большинстве были некомбатанты — школьные учителя, новорожденные дети, священники, рабочие, т.е. обычные мирные граждане. Для сравнения добавим, что по окончании холодной войны важное место в ядерном арсенале США отводилось ракетам «Минитмен» с боеголовками, обладающими взрывной силой 1,2 млн т тротила¹. Если сравнить такую ракету с бомбой, сброшенной на Хиросиму, то последняя уступает первой по мощности тысячекратно. Всякое утверждение о том, что оружие, подобное ракетам «Минитмен», можно использовать, действительно различая комбатантов и некомбатантов, выглядит неправдоподобным.

Отсюда заманчиво сделать вывод о том, что использование современного ядерного оружия, если всерьез принять ограничения традиции справедливой войны, просто неприемлемо с моральной точки зрения. Однако вопрос не так прост. В основу данной традиции заложена идея, согласно которой единственно оправданной причиной применения силы является сохранение и защита ценностей. Таким образом, фундаментальный вопрос, касающийся принципа различия, заключается в следующем: можно ли вообще защищать ценности путем применения неизбирательных (indiscriminate) средств. В этом более широком контексте вопрос о том,

¹ Дуглас Лэки приводит это сравнение в работе: *Lackey D. The Ethics of War and Peace*. Englewood Cliffs N.J.: Prentice Hall, 1989. P. 110.

как применять принцип различия в условиях наличия ядерного оружия, существенно осложняется и требует дальнейших исследований.

Во-первых, как указывал Пол Рэмси, обсуждая новое понятие «стратегия контрсилы» («counter-force strategy»), т.е. такой стратегии, в соответствии с которой целями ядерного удара могут быть только военные объекты, дифференциация объектов атаки не приведет к ограничению жертв лишь потерями среди комбатантов. Однако она в значительной степени отличалась бы по своим результатам от «контрценностной» стратегии («counter-value strategy»)¹, т.е. такой стратегии, которая предполагает в ответ на ядерную атаку нанесение ракетно-ядерного удара по высокоценным объектам — главным центрам проживания гражданского населения. При осуществлении контрсилового нацеливания на объект соблюдается запрет на *непосредственное* и *преднамеренное* нападение на мирное население. Контрценностная стратегия просто игнорирует принцип различия. Контрсиловая стратегия, как доказывают ее сторонники, в максимально возможной степени сохраняет разграничение комбатантов и некомбатантов и учитывает в силу этого необходимость сохранения основополагающих ресурсов. Тем не менее можно предвидеть, что удар по военным объектам станет причиной сопутствующего ущерба².

Уравновешивая намерение нападающей стороны и прискорбные результаты ее действий, принцип двойного эффекта признает, что предсказуемый, но непреднамеренный результат при тщательном изучении этого вопроса с моральной точки зрения сам по себе не должен быть средством достижения предполагаемого результата. Если сопутствующий ущерб, причиняемый контрсиловым прицельным ударом, сам по себе является решающим для сдерживающего эффекта контрсиловой стратегии, то даже обоснование посредством двойного эффекта становится сомнительным. Чисто контрсиловая стратегия (если воспользоваться терминологией Стивена Ли)³, вероятно, в современном мире невозмож-

¹ Ramsey P. The Just War: Force and Political Responsibility. N.Y.: University Press of America, 1983. P. 157—165.

² * Здесь под сопутствующим ущербом имеются в виду жертвы среди мирного населения.

³ Lee S.P. Morality, Prudence, and Nuclear Weapons. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 150—151. Чисто контрсиловая стратегия есть такая

на, не говоря уже о ее практической неосуществимости. Военные цели стратегического значения, как правило, не изолированы где-нибудь в центре пустыни или океана. Только в том случае, если отрицательный эффект какого-то действия (в данном случае сопутствующий ущерб) не является необходимым для достижения «положительного» эффекта, преднамеренный и морально приемлемый результат (в данном случае использование силовой угрозы с целью сохранения мира) будет законным и основанным на принципе соразмерности. Однако даже принимая во внимание эту соразмерность, мы признаем, что в теории справедливой войны по-прежнему применим принцип различия. Используя его для сравнения контрсиловой и контрценностной стратегий, можно сделать вывод, что в отношении общего количества потерь, которыми они угрожают, контрсилловая стратегия более отвечает ценности уважения людей, чем контрценностная стратегия. Именно такой вывод делает Пол Рэмзи.

Во-вторых, если традицию теории справедливой войны рассматривать не как юридический механизм определения справедливости войны, а, скорее, как теоретическое средство, помогающее сделать военные действия «по возможности справедливыми»¹, то нужно сравнить принцип различия с принципом соразмерности. Как отмечает Стивен Ли, «озабоченность тем, чтобы избежать катастрофических последствий», перевешивает озабоченность тем, чтобы твердо придерживаться законов и правил войны². Некоторые ученые доказывают, что, если государство может избежать непоправимого ущерба только путем нарушения принципа различия, оно имеет на это моральное право³. Иными словами, если некая политика может привести к катастрофическим последствиям, то необходимо найти такие альтернативы, которые вели бы к наименее разрушительным результатам. Стремление избежать ядерной войны посредством политики сдерживания является,

стратегия, которая приводит к относительно небольшим потерям среди гражданского населения; смешанная стратегия может стать причиной появления огромного числа раненых и убитых среди мирных граждан.

¹ *Hauerwas S.* On Surviving Justly: Ethics and Nuclear Disarmament // *Just War Theory* / Ed. by J.B. Elshtain. P. 303.

² *Lee S.P.* Morality, Prudence, and Nuclear Weapons. P. 61.

³ Эту точку зрения поддерживают Майкл Уолцер в: *Walzer M.* Just and Unjust Wars (p. 269—274) и Грегори Кавка в: *Kavka G.* Moral Paradoxes of Nuclear Deterrence [Chapter I]. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

по-видимому, наименее гибельным выбором в том, что касается средств сохранения мира. По своему значению принцип соразмерности, по-видимому, является приоритетным по отношению к принципу различия. Таким образом, в условиях практического выбора из всех доступных средств наиболее ответственным в моральном отношении будет такое применение силы или угроза ее применения, которая в максимальной степени отвечает критериям справедливости. Это, конечно, аргумент тех, кто поддерживает версию ядерного сдерживания путем устрашения, даже несмотря на признание ими того, что угроза применения ядерного оружия представляет собой намеренную угрозу гибели некомбатантов. Следовательно, утверждение о том, что при наличии ядерного оружия теория справедливой войны становится неуместной, по-видимому, не имеет оснований: практически неизбежное нарушение принципа различия делает проблему справедливой войны еще более острой. В такой перспективе, признавая первоочередную необходимость предотвращения ядерной войны, необходимо, тем не менее, как можно строже соблюдать требование различия между комбатантами и некомбатантами.

Итак, намерение осуществлять сдерживание, насколько возможно, в рамках справедливости оказывается еще более проблематичным, что усиливает актуальность этого вопроса. Если принцип соразмерности получает приоритет над принципом различия, то можно доказать, что решающее значение имеет вопрос, становится ли вероятность ядерной войны большей или меньшей при принятии контрсилловой стратегии в отличие от контрценностной стратегии. Этот спор можно продолжать, даже если признана возможность того, что любое будущее применение ядерного оружия в свете принципа различия само по себе будет совершенно безнравственным. Несмотря на данную уступку, можно представить такую ситуацию, когда отказ от принципа различия не был бы *безнравственным*, а именно, такую ситуацию, в которой было бы достаточно весомым значение последствий, рассмотренных с точки зрения принципа соразмерности. Как отмечает Артур Хокедей, главным является вопрос о «той степени, до которой сдерживание путем устрашения неизбежно связано с условной целью совершать в определенных обстоятельствах те действия, которые фактически наверняка или с высокой вероятностью будут вести к гибели некомбатантов в количестве, не пропорциональном

получаемой при этом пользе или уменьшаемому вреду»¹. С этой точки зрения уменьшаемый вред должен быть действительно огромным. Но можно доказать, что во времена холодной войны перспектива ядерной катастрофы вполне отвечала этой норме.

В наше время напряженность ядерного пата времен холодной войны в значительной степени ослабла. Может показаться, что с уходом холодной войны в прошлое сверхсекретные разработки ядерных стратегий отошли в область отвлеченных теоретических исследований. Однако из-за продолжающегося распространения ядерного оружия в таких странах, как Индия и Пакистан, и интенсивных усилий, например Китая, по увеличению своего ядерного потенциала вопросы сдерживания путем устрашения и избирательного применения ядерного оружия продолжают оставаться в центре внимания мирового сообщества. В том случае, если мировая гонка ядерных вооружений вновь наберет силу, риск ядерного конфликта вновь может стать доминирующей международной темой. На вопрос Стивена Тулмина, «может ли при каких-либо обстоятельствах применение ядерного оружия, учитывая его разрушительность, вообще стать соразмерным справедливой цели военных действий государства?»², мы можем ответить, что только при самых ужасных обстоятельствах обдумывание такого шага может оказаться допустимым, т.е. морально оправданным. Совершенно очевидно, что распространение ядерного оружия неизбежно делает его применение более вероятным. Эта перспектива должна укрепить моральный императив, требующий сокращения ядерного вооружения.

4. МИНЫ

Соглашение по запрещению использования, накопления, производства и перемещения противопехотных мин и по их уничтожению (далее — Договор о запрещении мин) 1 марта 1999 г. стало составной частью международного права. Этот Договор явился результатом повсеместного признания того факта, что противо-

¹ *Hockaday A.* The Aim of Just Deterrence: Peace with Justice? // *Just Deterrence: Morality and Deterrence into the 21st Century.* P. 54.

² *Toulmin S.* The Limits of Allegiance in a Nuclear Age // *Just War Theory.* P. 282.

пехотные мины причиняют неизбирательный и избыточный вред. Жертвами этих мин оказываются большей частью некомбатанты. По общим оценкам, ежегодно свыше 25 тыс. человек получают ранения или погибают от фугасов, большая часть которых осталась от прежних конфликтов¹. К середине 1999 г. Договор о запрещении мин, подписанный 135 государствами, был ратифицирован 81 страной². Среди стран, не подписавших этот договор, такие страны, как США, Россия, Китай, Ирак, Иран и Куба; мотивы каждой, по всей видимости, были разными.

Хотя США полностью поддерживают гуманитарные цели этого Договора, они указывают, что их согласие на прекращение использования фугасов зависит от появления таких военных средств, которые можно рассматривать как тактическую альтернативу фугасам. Преждевременное запрещение фугасов может потребовать высокой цены — уменьшение безопасности и увеличение потерь среди американских солдат. Один из противников Договора о запрещении мин, указывая на то, что США уже применяют мины с автоматическим самовзрывателем, доказывает, что этот Договор не предотвращает нарушения принципа различия, причиной которых является использование фугасов. «Если США одобряют всемирное запрещение всех видов фугасов, то американские солдаты будут подвергаться большей опасности, а в контроле за вооружением будет создан пагубный двойной стандарт: страна, не создающая такой проблемы, — Соединенные Штаты — будет разоружаться, в то время как страны-изгои, распространяющие убивающие мирных граждан мины, не присоединятся к этому договору и не разоружатся»³. Здесь доказывается, что необходимо сосредоточить основное внимание на устранении всех фугасов, которые не являются надежными, саморазрушающимися «умными минами».

Договор о запрещении мин был создан в ходе Оттавского процесса, и определяющим в кампании по запрещению фугасов

¹ U.S. Government. White House Press Release. U.S. Efforts to Address the Problem of Anti-Personnel Landmines. 16 мая 1996 // <http://www.defenselink.mil/news/May1996/m051796—m102-96.html>

² Physicians for Human Rights, «Campaign to Ban Landmines» // на сайте: <http://www.phrusa.org/campaigns/landcamp.html>.

³ Spring B., Hillen J. Why a Global Ban on Land Mines Won't Work // <http://www.nonline.com/procon/html/conMine.htm>

был фундаментальный принцип различия, ссылка на который позволила преодолеть аргументы, касающиеся возможного подрыва безопасности. В недавнем отчете ООН отмечается, что «в истории современных общепринятых приемов ведения войны фугасы являются исключительной дикостью не только из-за своего ужасного воздействия на отдельных людей, но также из-за связанного с ними длительного социально-экономического разорения»¹. Проблемы, связанные с фугасами и неизбирательностью их воздействия, в огромной степени усилились из-за того, что по всему миру остаются зарытыми в землю свыше 100 млн фугасов². От Сальвадора до Анголы, Афганистана и Камбоджи фугасы будут сеять смерть среди еще нескольких поколений ничего не подозревающих мирных жителей. В одном из источников сообщается, что, «по оценкам ООН, понадобится отряд в тысячу саперов, чтобы они за срок более 30 лет обнаружили и обезвредили те 6 млн мин, которые зарыты на территории Боснии и Хорватии»³.

Те, кто обеспокоен идеей запрещения фугасов, прибегает к слишком вольной трактовке военной необходимости для того, чтобы оправдать их непрекращающееся применение. Подобные аргументы сводятся к тому, что без применения фугасов оборонные возможности государства будут настолько ослабленными, что возникнет серьезная угроза его безопасности. На первый взгляд этот аргумент был бы более убедительным со стороны государств, располагающих относительно небольшими военными силами, чем со стороны сверхдержавы, которая обладает альтернативными средствами защиты своих военнослужащих. Например, те более развитые страны, которые могут устанавливать «умные мины», по-видимому, имеют меньшее, чем у других стран, оправдание для применения менее дорогостоящих «беззвучных мин», которые еще на протяжении многих десятилетий будут источником смертей и ранений. В более широком смысле заявление о праве применять фугасы как тактически более эффективное, хотя и негуманное по своему характеру средство, по-видимому, нарушает и принцип различия, и принцип соразмерности. Большинство применяемых в настоящее время мин имеет срок годности более 50 лет. К сожа-

¹ *Machel G.* Impact of Armed Conflict on Children. UNICEF // <http://www.unicef.org/graca/mines.htm>

² Ibid.

³ *Solomon D.* Taking the Initiative on Land Mines // <http://www.nonline.com/procon/html/proMine.htm>

лению, практика показывает, что вооруженные силы, полагающиеся на применение фугасов, менее всего склонны надлежащим образом маркировать минные поля и обезвреживать мины, когда минные поля уже больше не служат военной цели.

5. ВЫБОР ЦЕЛИ

На практике повсеместный запрет на прямые нападения на некомбатантов нелегко ввести. Хотя осады, бомбардировки и штурмы укрепленных городов являются неотъемлемой частью военных действий, ст. 25 Гаагских соглашений запрещает нападение на незащищенные города, деревни и другие объекты¹. На первый взгляд это руководящее положение кажется ясным, но приводимый ниже список исключений показывает, что это правило, возможно, не так просто применить на практике:

«...Заводы, производящие военное снаряжение и боеприпасы, военные лагеря, пакгаузы, где хранятся военное снаряжение и боеприпасы, порты и железные дороги, используемые для транспортировки боеприпасов, и другие места, предназначенные для поддержки военных операций или для размещения войск, также могут подвергаться бомбардировке и быть атакованы даже в том случае, если они не защищены»².

Само Гаагское соглашение, по-видимому, допускает значительную свободу интерпретации, если в нем указывается, что «во время осад и бомбардировок должны быть приняты все необходимые меры для того, чтобы, насколько это возможно, сохранить здания, предназначенные для религиозного культа, науки, искусств или для целей милосердия, исторические памятники, больницы и те места, где сосредоточены скопления больных и раненых при условии, что они не используются для военных целей»³. Оговорка «насколько это возможно» оставляет широкие возможности для интерпретации.

Даже из рассмотрения только Гаагских документов и Женевских конвенций становится ясно, что в связи с выбором граждан-

¹ Приложение № IV к Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г., включающее Соглашения по соблюдению законов и норм ведения войны на суше.

² US Army, FM27-10. The Laws of Land Warfare. Washington DC: US Government Printing Office, 1956. P. 19.

³ Статья 27. Приложение IV к Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. Соблюдение законов и норм наземной войны.

ских объектов в качестве военных целей возникают дополнительные вопросы. Протоколы Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. устраняют множество двусмысленностей и более конкретно говорят о защите гражданского населения. В ст. 48 Протокола I утверждается, что воюющие стороны «должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими объектами и военными целями и, соответственно, направлять свои операции только против военных целей». В свою очередь военные цели определяются как «те объекты, которые по своей природе, местоположению, цели или применению вносят действительный вклад в военные действия и полное или частичное уничтожение, захват или нейтрализация которых в сложившихся обстоятельствах дают определенное военное преимущество»¹.

В других статьях этих Протоколов запрещаются неизбирательные нападения и приводится следующая их дефиниция с конкретными примерами: «Неизбирательные нападения — это такие нападения, которые: а) не направлены на конкретную военную цель; б) используют метод или средство боевых действий, которые не предназначены для достижения конкретной военной цели; или в) используют метод или средство боевых действий, результаты действия которых невозможно ограничить так, как требуется данным Протоколом; следовательно, в каждом подобном случае, по сути, наносят удары по военным целям и гражданским лицам или гражданским объектам без разбора»².

В дополнительных параграфах запрещается наносить удары по сооружениям (таким, как дамбы или атомные электростанции), разрушение которых может иметь чрезвычайно опасные последствия для гражданского населения³. Содержащиеся в этих Протоколах руководящие положения относительно применения принципа различия придают последнему беспрецедентную ясность и конкретность. Тем не менее при применении этой части принципов *jus in bello* на практике всегда возникают мучительные вопросы.

¹ Протокол I Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. Статья 52.

² Протокол I. Статья 51.

³ Протокол I. Статья 56.

6. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В наше время принцип различия находит свое применение в отношении действий, не включаемых традиционно в сферу этого понятия. Последствия экономических санкций, терроризм, международные операции по поддержанию мира и гуманитарные интервенции — все это поднимает вопросы, связанные с принципом различия.

В 1990-е гг. для того чтобы изменить политику и линию поведения государств, нарушающих международные нормы, применялись экономические санкции. Они включают в себя самые разнообразные меры — от обширных эмбарго, наложенных на Ирак, Северную Корею, Кубу и Сербию, до весьма конкретных действий, например отказа в праве покупать у конкретного государства определенных товаров или услуги. Санкции могут также принимать форму отказа предоставлять государству займы или субсидии с целью воздействовать на выбор этим государством определенных действий или на изменение им определенной политики. Санкции наиболее действенны в тех случаях, когда стране отказывают в удовлетворении какой-либо крайне важной потребности, для чего обычно необходимы многосторонние санкции. Односторонние санкции, проводимые одним государством, едва ли будут иметь достаточный эффект и убедят наказываемое государство изменить свою политику. Многосторонние санкции были эффективны, когда помогли положить конец политике апартеида в ЮАР. Ливия, испытав на себе давление санкций, приняла решение выслать подозреваемых во взрыве авиалайнера над Локерби на судебное разбирательство в Шотландию. Санкции до некоторой степени ограничили способность Саддама Хусейна закупать оружие массового поражения после войны в Персидском заливе. Ни в одном из этих случаев односторонние санкции не были бы эффективны, поскольку ни одна страна не является монопольным поставщиком наказываемого санкциями государства и его потребности могут быть удовлетворены за счет поставок из страны, не участвующей в санкциях.

В большинстве случаев государство или государства налагают санкции для того, чтобы оказать влияние на линию поведения правительства другого государства, а не в качестве средства наказания народа подвергаемого санкциям государства. Проблема различия возникает в том случае, когда наложение санкций вынуж-

дает бедствовать простой народ. Часто в прошлом результатом давления на правительство становились страдания народа этого государства, которые порождаются санкциями. В случае санкций, наложенных на Кубу Соединенными Штатами и включавших в себя запрещение торговли продовольствием и медикаментами, непосредственное влияние этой политики санкций испытали прежде всего граждане Кубы.

Эмбарго США против Кубы началось в 1961 г. после революции, осуществленной под руководством Фиделя Кастро. В течение многих лет это эмбарго в значительной степени имело символическое значение, потому что насущные потребности Кубы могли удовлетворить страны социалистического лагеря, особенно Советский Союз. Однако после распада Советского Союза санкции стали серьезно влиять на все стороны кубинской жизни. Утверждение Конгрессом США в 1992 г. Закона о кубинской демократии наложило запрет на торговлю с Кубой всех американских дочерних предприятий, включая торговлю продовольствием и медикаментами. Соединенные Штаты оказывали серьезное давление и на другие страны с тем, чтобы они прекратили торговлю с Кубой. Несмотря на возражение со стороны Европейского Союза и России, это давление все же дало определенные результаты из-за большого влияния США на мировую экономику. Результатом было ухудшение здравоохранения, экономический спад и падение уровня жизни населения Кубы¹. Режим санкций непосредственно затронул жизнь кубинского народа. Очевидно, правительство США намеревалось создать оппозицию правлению Кастро, т.е. сделать так, чтобы жизнь кубинцев становилась все более тяжелой, в результате чего они должны склониться к свержению власти Кастро.

Принцип различия запрещает выдвигать в качестве цели нанесения удара непосредственно некомбатантов. Если экстраполировать этот принцип на такие не доходящие до войны меры, как санкции, то это даст моральный аргумент против той политики санкций, которую проводят США, когда эта политика как средст-

¹ Воздействие санкций задокументировано в разных источниках, в том числе в работах: *Kaufman H.* The United States-Cuba Policy: A Cuban Perspective // *Harvard World Affairs*, 1994. P. 105—116; *Kirkpatrick A.F.* Role of the USA in the Shortage of Food and Medicine in Cuba // *The Lancet*. Vol. 348. 1996. P. 1489—1491; *Kuntz D.* The Politics of Suffering: The Impact of the US Embargo on the Health of the Cuban People. N.Y.: International Health Services, 1994.

во прямого влияния на линию поведения правительства становится причиной страданий гражданского населения.

Принцип различия играет определенную роль и в осмыслении террористических операций. Он обеспечивает основу для морального осуждения таких мер, успех которых зависит от степени нагнетаемого на некомбатантов ужаса. Так, интенсивная бомбардировка союзниками европейских и японских городов во время Второй мировой войны рассматривается как акция террора. В некоторых случаях военные цели были незначительными или вовсе отсутствовали и главная цель бомбардировки городов состояла в том, чтобы вызвать ужас и «сломить волю» вражеской страны. Эвфемизм «сломить волю» означал убивать и уничтожать мирных жителей и их сообщества до тех пор, пока это не заставит их отказаться от поддержки войны и вынудит их правительство сдаться. Применение принципа различия осуждает то, что во время Второй мировой войны было общепринятой практикой.

Международное право наложило на подобные действия серьезные ограничения. Например, Дополнительный протокол I от 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. запрещает рассматривать целый город в качестве единой военной цели, если в нем кроме военных объектов находится гражданское население. Этот Протокол запрещает также «бомбовое нападение, при котором множество военных целей, расположенных в городе, поселке, деревне или другом районе с подобной плотностью гражданского населения или гражданских объектов, считается единой военной целью»¹. Оружие должно быть направлено только на отдельные военные цели в городе, хотя и это ограничение не устраняет возможности сопутствующего ущерба мирным гражданам.

«Террористические организации» получили это название потому, что для достижения своих целей они часто опираются на террор. Насильственные действия против невинных жертв аналогичны нападениям на некомбатантов во время войны. Кажущаяся случайность террористических нападений порождает ужас у населения, который становится источником давления на правительство, направленное на то, чтобы оно уступило требованиям террористической организации или группы. Но государства также могут

¹ *Gutman R., Kuttub D. Indiscriminate Attack // Crimes of War / Ed. by R. Gutman, D. Rieff. N.Y., L.: W.W. Norton & Company, 1999. P. 195—197.*

прямо или косвенно поддерживать террористические действия, например так называемые бригады смерти¹. Не используя каких-нибудь дополнительных моральных доводов, исследователи, оценивающие принцип различия с моральной точки зрения, чаще всего делают вывод, что применение террористических методов неоправдано. Статья 51 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г. утверждает: «Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население»².

В миротворческих операциях и в случаях гуманитарного вмешательства главной целью является забота о благосостоянии пострадавших людей. Чтобы достичь успеха в выполнении миссии по сохранению мира, о котором достигнуто соглашение, миротворческие силы в ходе миротворческих операций должны заслужить одобрение и доверие воюющих сторон. В такой ситуации неизбежное применение силы может стать одним из вернейших способов утратить это одобрение и доверие. Следовательно, во время своих операций миротворческие силы должны тщательно соблюдать принцип различия. Тот же аргумент имеет силу и для гуманитарного вмешательства. Цель его состоит в том, чтобы в определенной форме защитить права отдельных людей. Неизбирательное (*indiscriminate*) применение силы в ходе такого вмешательства непосредственно противоречит главной цели использования силы; оно неизбежно ведет к нарушению прав тех самых людей, ради оказания помощи которым и было предпринято данное гуманитарное вмешательство.

По каждому из этих направлений принцип различия и в наше время обеспечивает ориентацию на морально приемлемое поведение. Это свидетельствует о том, что теория справедливой войны способна помочь проложить путь через «моральные минные поля», с которыми сталкиваются люди, принимающие сегодня ответственные решения.

¹ *Mkbondo R. Terrorism // Crimes of War. P. 349—350.*

² *Права человека: Сборник международных документов. С. 538—539.*